

Лучик

— **А**гу, — нежно пролепетала Викуся, широко улыбаясь. — А-гуууу, а-гуууууу.
Красиво у нее получалось. Песня.

Солнечный лучик заглядывал в чисто вымытое окно. Викуся потянулась, чтобы его поймать и рассмотреть как следует. Лучик не давался. Ну никак. Не убегал, не прятался, но не давался.

— Гу! — рассердилась Викуся и зажмурилась.

Нахальный лучик лез прямо в глаза.

Спать не дает и играть не хочет.

Викуся чихнула, удивилась, еще раз чихнула и принялась икать. Агукать она при этом не перестала.

— Аааа-ик-гууу-ик... ааа-ик-гууу-ик...

Ой-ой-ой... Уже ж утро! Эх, утро доброе! Чего ж ты такое раннее? Хотя — нет... Спасибо, конечно! Лето! Долгожданное! Свет — повсюду. Ясный, радостный. Вон и птички щебечут... И Викуся свою песню выводит... И чего ей не спится? Ведь сухая, сытая... Спала бы себе и росла во сне, сил набираясь. Икать взялась...

Сана, как сомнамбула, восстала со своего ложа и, не открывая глаз, направилась к детской кровати.

Викуся стойко икала и столь же стойко агукала.

Сана склонилась над детской кроватью, вытащила оттуда невесомое сокровище, прижала к себе маленькое беспомощное тельце.

Икота немедленно прекратилась.

— Солнышко мое! — обрадовалась Санка. — Рыбусик мой золотой! А, вот что тебе спать мешало!

Яркий лучик игриво подрагивал на белоснежной младенческой подушке с кружевными оборками. Ему было

явно все равно, с кем играть, кого заставлять просыпаться и радоваться предстоящему долгому летнему дню. Его не интересовало, что взрослый человек вот уже вторую неделю один возится с грудничком и мечтает элементарно отоспаться. Тем более дачный свежий воздух действует опьяняюще. Спать бы и спать...

— Агуууу, — взялась за свое Викуся.

— Ага, — вздохнула Сана. — Слышу... Агу... Тебе веселиться час настал. А давай так? Давай я лягу, а ты своим пузом на меня, а? Я подремлю, а ты разговаривай, пой — все, что захочешь... Давай?

— Агыбы! — восхитилась Викуся, улыбаясь так широко, что сил на то, чтобы держать голову прямо, у нее уже не осталось. Бум — и душистая головушка, пахнущая солнышком и молочком, уткнулась в плечо Саны.

— Мы с тобой девчонки-молодцы! Мы с тобой подружки хоть куда! Нам с тобой не страшно ничего! Ни жара, ни холод, ни вода! — льстиво бормотала стихами, которые всегда лезли ей в голову, если надо было уговорить Викусю поспать еще чуток, невыспавшаяся Сана.

Она осторожно улеглась на свою широкую кровать, водрузила на себя бодрого и счастливого младенца.

— Ты не думай, я просто полежу, я ж всю ночь с тобой... Просто полежу... И ты рядышком погуляешь...

Санка мучительно зевнула...

Зевота — штука заразительная.

Викуся зевнула тоже.

— Баю-бай, — с надеждой попросила Сана. — Ты сытая, сухая... Баю-бай...

Хороший человек и надежный друг Викуся и правда закрыла глазки. Нагулялась, видно. Значит — счастье. Значит — выспаться сегодня все же получится.

Когда начнется настоящий день, хлопоты подступят...

Одно дело за другим...

Важные и неважные, попеременно...
Но сейчас о делах думать нельзя. Сейчас — только спать. Сколько позволит милостивая Виктория, ее повелительница двух месяцев от роду, которую она должна беречь и спасать от всего, что только может грозить маленькому беспомощному человечку.

Вернулся

В то время как замечательный девичий дуэт спал себе крепким утренним сном на даче у Саниных деда и бабушки, муж Саны возвратился домой, в их просторную московскую квартиру из командировки.

Прямо как в начале нескончаемой серии анекдотов... Муж вернулся из командировки, а жена...

Ростислав, уже столько лет благополучно женатый, никогда не имел реальных оснований для ревности. Но неустанно и болезненно ревновал.

Так выходило. Такой у него от природы характер. И все тут. Можно же просто принять это и постараться понять. У него и отец ревнивый, и дед, а может, даже и прадед. Скорее всего.

Мама Ростислава с гордостью повторяет, что такого тяжелого характера, как у ее мужа и, стало быть, Славочкиного отца, наверняка больше в целом свете не сыщешь. Что не по нему — мрачнее тучи. И поди разберись, что не так. На кого слишком тепло взглянула, кому напрасно улыбнулась... Бывает, ревность его возникает совсем нелогично. Например, если в воскресенье на обед не тот суп приготовила или не тот десерт. Ну, происходят такие кулинарные неудачи время от времени с каждой хозяйкой.

К чему тут ревновать?

Хы! Да как же? Вот: приготовила не то, стало быть, не чувствует желаний мужа, не помнит о его вкусовых пристрастиях.

А почему? Ну, тут все ясно: у нее другой! И из-за этого подлого грязного другого она и перестала думать о муже.

Разве не логично?

И по такому поводу можно и нужно несколько дней грозно и непримиримо хмуриться, а то и не разговаривать вообще с женой. Чтоб знала! Чтоб помнила! И предчувствовала, какая гроза разразится, если на самом деле хоть что-то промелькнет!

Конечно, ничего никогда не мелькало. Папочку в семье обожали. Как и маленького Славочку, оказавшегося тоже ревнивцем хоть куда.

И только попробуй вести себя иначе... Только рыпнись!

Недавно мать (так про себя называла Сана свекровь) на семейном празднике, посвященном очередной годовщине их с отцом семейного счастья, с какой-то даже торжествующей гордостью неожиданно поделилась впечатляющим воспоминанием времен ее молодости.

Славику тогда было шесть лет. Определили его в первый класс. Ждали Дня знаний всем дружным семейством. Костюм парню купили школьный, туфли — загляденье. Настоящие мужские. Все приготовили. До первого дня осени оставалась какая-то неделя.

Естественно, в конце августа семья находилась на даче.

Дача у них — сказка. Царские хоромы. Прадедугенералу выделили после войны гектар подмосковного леса — стройся. И истосковавшийся по удобствам, красоте и домашнему уюту вояка отстроился на века. В умно спроектированном доме из бревен полуметрового диаметра могло с удобствами разместиться человек пятьдесят. Причем масштабы постройки становились понятны только тому, кто оказывался внутри, кто удостоился чести стать

званным гостем чудо-замка. Снаружи глянешь — ничего особенного.

Но гости почему-то нечасто к ним выбирались. У всех свои дачи и свои на них дела и хлопоты. А тут, на излете лета, неожиданно образовалась группа давних студенческих друзей и подружек, решивших вспомнить юность и провести за городом выходные. Шашлыки, винцо грузинское... Песни под гитару. Ну, все как тогда полагалось. Все радовались друг другу, вдруг очутившись после скучных взрослых забот в собственном, полном ожидания счастья, не столь уж и давнем прошлом.

Славочку уложили спать в положенное ему время. Папа с мамой сидели у костерка в дальнем углу дачного участка и пели вместе со всеми. Наконец папе захотелось отправиться на боковую.

— Пошли, — велел он жене.

А та настолько увлеченно пела, что и не догадалась немедленно исполнить мужнин приказ.

— Ты иди, — беззаботно откликнулась она. — Я скоро... Еще чуть-чуть...

Папа встал и ушел, не произнеся ни слова.

Мама посидела у затухающего костра еще около часа — ну уж очень хорошо пелось и вспоминалось вместе... До слез хорошо.

Распрощалась с гостями до встречи в Москве: утром всем предстояло разъехаться очень рано, заглянула в детскую, проверить, как спит Славочка, улеглась рядом с мужем, прильнула, поцеловала. Тот крепко спал, не шевельнулся. И она уснула безмятежным сном, ничего не предчувствуя.

Утром проснулась — тишина. Никого не слышно. Ну, гости — понятно. Они так и собирались уехать ни свет ни заря.

А Славочка почему не прибежал к мамочке? Не разбудил, не попросил покушать...

О муже вообще говорить нечего...

Он обычно по утрам требовательно осуществлял свои супружеские права, не спрашивая, хочешь — не хочешь, устала — не устала, есть настроение — нет настроения. Про это она довольно быстро поняла, что лучше не прекословить, если хочешь, чтобы в семье царил мир. По представлениям мужа, хотеться ей должно было всегда, а если она отказывается проявлять свое чувство к своему единственному мужчине, отвергает его ласки, это означает только одно: у нее появился другой.

Естественно, она всячески старалась доказать обратное. Чтоб ни тучки не возникло на семейном небосклоне.

Но сегодня мужа рядом не было. Она вскочила и босиком побежала в Славкину комнату. Никого. И в столовой никого. Принялась звать мужа и сына. На крик спустилась со второго этажа свекровь и сообщила, что сын с внуком отбыли в город.

— Как в город? Почему? Мы же через три дня только собирались?

— Значит, у твоего мужа поменялись планы, — безмятежно установила свекровь.

И тут только маму Славика озарила догадка. Пронзила ее.

Он обиделся!

Она же не пошла спать вместе с ним! И как это ей в голову пришло? Расслабилась с друзьями юности, как под гипнозом оказалась. Это ведь что он мог подумать? Там же не только супружеские пары сидели в обнимку. Там и холостяки ночной романтикой наслаждались, о лесной любви пели, о звездочках. А ей и в голову не пришло почему-то, что муж звал ее не просто спать. Ему в ту пору доказательства ее любви требовались. Ее безусловной верности и принадлежности ему, отцу ее ребенка, между прочим.

Она, сообразив все это, немедленно помчалась в Москву. Помчалась — легко сказано. На машине-то уехал муж. Ей

пришлось бежать на станцию, ждать электричку, потом трястись в полном вагоне рядом с теми несчастными, кто ежедневно ездил с дач на работу в город. Но в то утро, конечно же, самой несчастной среди подневольных загородных трудяг, забившихся в электропоезд, была она. Потому что последствия своего проступка предсказать абсолютно не могла. И в свое оправдание не находила слов. Ведь за семь лет могла бы уже привыкнуть к характеру мужа и его реакциям.

А тут вдруг такой сбой. Такая промашка.

Оказавшись у дверей их квартиры, мать дрожащими руками попыталась вставить ключ в замочную скважину.

Ключ не вставлялся.

Неужели муж успел замки в двери поменять?

Выходило, что успел.

Из глубины квартиры доносилась веселая детская музыка. Значит, муж и сын дома.

Она принялась звонить.

— Кто там? — послышался голос мужа.

— Это я, Боречка, открой, пожалуйста, — зарыдала несчастная женщина, припав к двери лицом.

— Ты здесь больше не живешь, — последовал равнодушный ответ.

Говорить так у мужа имелось полное юридическое право: прописана Зоя была у родителей, в коммуналке. И таким образом никакого отношения к кооперативной квартире, подаренной Боречке родителями перед свадьбой, иметь не могла.

Зоя умоляла пустить ее к Славику. Муж был совершенно непреклонен. Он хладнокровно объяснял этой почти уже посторонней женщине за дверью, что своим отвратительным эгоистичным поступком она сама навсегда перечеркнула все, доверия у него к ней больше нет и быть не может.

«Посторонняя женщина» рыдала и умоляла простить и поверить, что больше подобного не повторится. Рыдания матери услышал Славик и тоже заплакал в голос.

— Папа, пусть мама войдет, — слышала провинившаяся и непрощенная мать просьбы сыночка.

— Она раньше должна была думать о последствиях. Голова обычно дается, чтобы думать, а не для блуда и похабных мыслей, — пояснял Борис Леонидович сыну.

Он был непреклонен несколько дней.

Эти дни Зоя провела, почти не отходя от двери, за которыми скрывался неумолимый супруг с сыном, постепенно переходящим на сторону отца. Через пару дней Славик, уже не плача, объяснял маме, что она сама виновата и что он хочет жить с папой и только с папой. А она пусть им не мешает.

От двери женщина отходила только в туалет (пускали сердобольные соседи). Не ела ничего: кусок в горло все равно бы не полез. Спала, сидя на лестнице, прислонившись к холодной стене. Она очень боялась, что, если отлучится надолго, муж увезет Славика в неизвестном направлении и найти ребенка уже не получится. Сейчас по крайней мере она могла быть уверена, что находится рядом с сыном.

Наступило первое сентября. Предполагаемый и давно ожидаемый праздник. Зоя очень надеялась, что муж смягчится перед этим днем и простит ее в последний раз.

Выглядела она просто ужасно: настоящим бомжом.

Человеку, оказывается, очень немного-то и надо, чтобы превратиться и внешне, и внутренне в неприкаянного бродягу: всего-то пару ночей без еды и надежного крова. Глаза гаснут, волосы сваливаются и повисают, как пакля, голос дрожит, руки трясутся... А если помыться нет возможности, то и запах идет... Она, правда, быстренько ополаскивалась у соседей просто по привычке к чистоплотности и на тот

случай, если муж все-таки пустит ее к Славику, чтоб мальчик не испугался ее запаха.

Очень Зоя надеялась на День знаний. И поначалу казалось, что надежды ее оправдаются. Муж из-за двери объявил, что позволит ей сопровождать их с сыном в школу, но только на расстоянии. Зоя поклялась. Пусть на расстоянии. Все-таки это уже было какое-то послабление. Правда, Боречка потребовал, чтобы ее родители не вздумали приходить на торжественную линейку, иначе...

Пришлось позвонить родителям и взмолиться, чтобы они не приезжали в школу к единственному внуку-первокласснику. Она врала, что детей сразу разведут по классам, что никакой линейки перед школой не будет, что опасаются нового вируса, поэтому торжества свернули... Выкрутилась как-то.

Утром первого сентябрьского дня торчала у коврика перед квартирой, как побитая собачонка.

Наконец дверь приоткрылась. Зоя увидела сына в форме, с новеньким ранцем. Ребенок выглядел осунувшимся, бледным, под глазами синева. Чем отец кормил его все эти дни? Борис же прежде никогда не готовил. Даже яичницу сделать не умел.

— Славочка, — прошептала мама, словно боясь спугнуть чудесное виденье.

— Посмотрела? — жестко спросил отец. — Ну и все. Отдыхай теперь. В школу он не пойдет. Я передумал.

— Как же так? Ведь праздник же... — безвольно вымолвила несчастная Зоя.

— Вот себе и скажи большое человеческое спасибо, что навсегда лишила сына такого праздника, — холодно отчеканил Борис.

Да, первый раз в первый класс Славочка пошел не первого, а третьего сентября, когда отец все же сменил гнев на милость, даровав матери прощение, правда, твердо

пообещав, что следующий прокол станет для Зои последним.

— Не было больше проколов, — смеясь, подытожила све-кровь, гордо глядя на своих гостей. — Научил тогда на всю оставшуюся жизнь, да, Боречка?

Боречка, переживший полгода назад инсульт, но уже умеющий говорить, кивнул. Он, похоже, не совсем понял, о ком в рассказе жены шла речь, но на слово «да» реагировал кивком, то есть вполне адекватно.

Мать сейчас стала полноправной хозяйкой положения. Все ее страхи остались в далеком, безвозвратно ушедшем прошлом.

Да, есть о чем вспомнить, над чем посмеяться. Пусть другие поучатся!

Ростислав тогда, во время материнского повествования, внимательно вглядывался в лицо Саны: поняла ли она, в чем заключается настоящая женская любовь, настоящий женский героизм?

Вот его мать прочувствовала характер мужа, учла все тонкости обращения с ним. И пожинает сейчас плоды своих невероятных усилий, своего фантастического терпения.

У них по-прежнему крепкая надежная семья, Зоя теперь в ней самая главная. Сын успешный. Отец, подающий надежды на полное выздоровление.

Ведь можно же приспособиться? Можно учесть? Мать же смогла!

Правда, на мать у отца рычагов воздействия было поболе... Тут даже сравнивать нельзя. Мать от бати зависела надежно, крепко. Хотя и образование у них высшее — из одного института вышли, — но квартира, дача, машина были батянины... Другой общественный круг... Он, Славик, сыночек единственный, опять же... Все держало. И характер у матери другой. Более покладистый, что ли. Хотя... Не всегда.

Упрямая она. Но отцу подчинялась. Старалась изо всех сил подладиться. Чего еще желать?

Ростислав поначалу, приглядываясь к красивой девчонке, к которой его жутко тянуло, составил о ней несколько иное мнение. По чисто внешним показателям.

Из многодетной семьи — это первый плюс.

Старшая сестра. Ну, не самая старшая, но вторая по старшинству. И три младших брата, о которых с детства всерьез заботилась. Баловать их с сестрой не баловали. Это серьезный и твердый плюс номер два!

Плюс третий: негуляющая и негулящая. Работающая всерьез и надолго, прекрасно понимающая, что такое долг и обязанности.

Плюс четвертый, вытекающий из предыдущих: некапризная и невздорная совершенно, хоть и цену себе понимает.

Пятый плюс, он же и возможный минус: красивая до невозможности, до того, что дыхание у Славы перехватывало в первый момент, как встречался с ней. Каждый раз замирал и не верил глазам своим. Жаль только, что засматривался на девушку не он один. Далеко не он один. Ему не встречался ни один человек, который, мельком взглянув на Сабину Мухину, не начинал пялиться на нее во все глаза.

И, переходя к безоговорочным минусам, как ни странно, как ни удивительно было признать ему самому, первым он назвал бы ее финансовую независимость и известность. Она в ее юные годы была уже знаменитым дизайнером, надеждой, как не раз отмечали в прессе, отечественной моды. Семейству ее принадлежал популярный модный магазин. И не только...

Ее самостоятельность казалась ему чем-то угрожающим для их возможного совместного будущего. Он чувствовал, что из-за того, что Сабина твердо стоит на ногах, в его руках

не оказывается никаких рычагов воздействия в том случае, если возникнут у нее мысли о расставании.

К тому же смущали Славика и слишком крепкие тылы красавицы: огромная дружная семья — старшая на год сестра Регина с мужем Петром, три брата и его же однокурсник Денис Давыдов, женившийся на матери Мухиных и опекавший братьев и сестер с отцовским рвением, несмотря на собственную молодость.

Как в этой ситуации стать полновластным главой семьи?

Как сделать, чтобы жена слушалась и повиновалась?

А ведь именно так представлял себе устройство своей будущей семьи Ростислав. Он глава. Он решает. А женщина подчиняется его воле. Прекрасная, нежная, беспомощная, верная и покорная. Вот его идеал.

И все-таки чувства и неотвязное, необоримое притяжение сделали свое дело: не сумел он отказаться от стремления взять в жены такое редкостное чудо, каким ему казалась Сабина Мухина.

Ладно — по ходу пьесы разберемся, кто в доме хозяин. Славик-то точно знал, что он и только он.

Сабинка же, похоже, ни о чем таком не задумывалась. Трудилась, рвалась на части, вызывая его невольное уважение, и явно, открыто, радостно принимала знаки его внимания.

Наконец он сообщил о своем намерении родителям.

— Хороша, — одобрил отец, тогда еще полный сил патриарх их небольшого семейства. — И на шею у тебя сидеть не будет. Ты только сразу все по полочкам разложи, ей легче будет приспособиться.

— Да вроде скромная, неиспорченная, — присоединилась к мнению супруга мама. — Только... знаешь, как в народе говорят... Красивая жена — чужая жена.

Мать знала, на какую болевую точку надавить.

У Славика аж сердце зашлось, как только он представил Сабинку в объятиях другого.

— Ну, это не всегда, — хмыкнул отец. — Это у слабаков... Дети от вас пойдут хорошие, здоровые. А насчет гулянок с другими... Была она замечена в этом?

— Да не до того ей, — постарался рассуждать справедливо жених. — Она в своих проектах погрязла, крутится как заведенная.

— Ну а как родит, вообще не до того станет, — заключил глава семьи. — Да и ты на что? По сторонам глядеть не позволишь!

Слава видел, что его девушка отцу по-настоящему понравилась. А кому бы не понравилась?

Вопрос можно было считать решенным, несмотря на материнские опасения и предупреждения.

И правда — он-то на что? Объяснит сам, что хорошо, а что плохо в случае чего.

Он, похоже, сам себя знал не особо досконально. Не представлял, какие волны ревности станут на него накатывать теперь по любому поводу.

Если на каком-то светском мероприятии, где Сабина должна была присутствовать как известная персона, к ним подсказывали фоторепортеры, Ростислав с трудом сдерживался, чтоб не вырвать у этих шакалов их камеры, не растоптать их в пыль, не плюнуть их обладателям в наглые любопытные бесстыжие рожи.

До поры до времени утешало его то, что Сабина явно тяготилась вниманием представителей прессы и особо веселой во время фотографирования не выглядела. Он порой ощущал, что она даже пугалась, зажималась, когда начинались вокруг вспышки. Несколько раз непроизвольно пыталась спрятаться за его спину, как несчастный ребенок, попавший во враждебную среду.

Тогда он ее жалел. Чувствовал себя нужным, необходимым, незаменимым защитником. Это придавало огромную уверенность. К тому же она сама не раз говорила, что только с ним ощущает себя в безопасности. Для мужчины это высшая похвала.

Но имелись и другие раздражающие моменты, которые не давали покоя и чувства стабильности.

Например, ее деловые разговоры по телефону в самые неподходящие моменты. У него тоже шли дела, да еще какие. Ей и не снилось! Но если они отправлялись вместе поужинать, Слава отключал звук у мобильного и только краем глаза смотрел, кто там его вызванивает. Сабина же откликнулась на любой вызов, объясняя свои действия тем, что все держится исключительно на ней, положиться по-настоящему она может только на своих родных, а наемные работники в любой момент могут подвести, напортачить.

Ну да... ну да...

Однако ему хотелось, требовалось, чтобы принадлежала эта девушка только ему. И никому другому.

Родные — чужие, работа — отдых... Он хотел, чтобы все они катились к такой-то матери и оставили его навсегда единственным законным спутником любимой им женщины.

Он и детей поначалу не желал. Мечтал жениться, установить свои семейные порядки и долго-долго жить с женой вдвоем, непрестанно убеждаясь, что она принадлежит только ему. Его девочка. Его нежная красавица. Его лань.

Он изучил ее привычки, он баловал ее подарками, наслаждаясь при виде ее радости и изумления. Он посылал ей цветы. Из любой точки земного шара, куда приходилось летать по делам, ежедневно заказывал спецдоставку цветов. И каждое утро в любое время года получала его невеста корзину свежих роз, ирисов, лилий с приложенной

к цветам запиской, в которой изливались на нее слова его любви.

— Какая же я счастливая! Не может быть! Неужели ты есть у меня? Неужели это все не сон? — спрашивала его любимая, когда они встречались после коротких разлук.

Он ей тогда верил. Верил и в ее любовь, и в искренность, и в надежность ее, верность.

Казалось бы, есть все основания для счастья. Живи и радуйся. Но радоваться не получалось. Что же мешало?

О! Мешало все!

Слава это отчетливо понял на свадьбе.

Как глаза внезапно открылись.

Увидел полное собрание ее родственников, весь выводок Мухиных — Давыдовых плюс деды с бабками, сгрудившихся вокруг его законной жены, обязанной отныне принадлежать и помыслами, и душой, и телом только ему, и сердце екнуло: сумеет ли он одолеть всю эту ораву, сумеет ли установить свое господство?

Ростислав отмечал каждую деталь, ревностно и мелко: и как Сабина нежно гладила своих верзил-братьев по головам, ворковала с ними, вся светясь особой любовью, и как самозабвенно обнималась со старшей сестрой, похожей на нее как две капли воды, и как бережно заботилась о матери, деде и бабке, хотя у мамочки, прилетевшей из Швейцарии с молодым муженьком, был свой защитник, вполне способный и стул ей подставить, и угощение передать, и разговором занять.

Бесили Славика и нечеловеческие, идиотские имена, которыми члены его новой семьи величали друг друга. Ну, что это такое? Какой идиот выдумал? Рыся, Птича, Ор, Дай, Пик...

Это что за игры? Детство кончилось. Все взрослые люди, а между собой как члены преступной группировки, кличками общаются. Рысенька, Орик, Птичуша... Тьфу!

— Семейство не обидится, если я к вам по именам буду обращаться? — задал он важный для себя вопрос, которому никто, кроме него, и значения-то не придал.

— Конечно-конечно, как тебе удобно, дорогой! — послышалось со всех сторон. — Это в нас наше детство играет...

— Сабиночка теперь взрослая, замужняя дама, — подержала новоиспеченного супруга его мать. — У нее такое прекрасное имя...

Слава знал, что его жена не любит свое имя, не привыкла к нему, считая его чужим. Птича — это да. Это — ее. А Сабина — для посторонних. Для внешнего мира. Ему же хотелось, чтобы внешним миром стали для нее все. Даже те, кто пока еще дорог. А единственным родным, незаменимым, как воздух, был бы он, ее муж, ее мужчина.

Он дал ей имя Сана.

Она привыкла. Имя очень быстро к ней прилепилось, будто всегда так и было.

И только родственнички жены продолжали упрямяться. Не получалось у них, видите ли, менять свои идиотские привычки.

Но он сдаваться не собирался, уверенный, что, если проводить свою линию четко и неуклонно, все в результате получится так, как задумал.

Слава стал применять к Мухиным их же оружие: давал им новые кликухи. Только наедине с Саной. Она отличалась чуткой реакцией на слова, это он заметил. Этим и воспользовался. Ирония — штука сильнодействующая, как медленный яд. Вот Ростислав и старался — вытравливал своими шутками прежние дурные привычки жены.

Хотите кличек? Пожалуйста!

Петр, муж старшенькой Мухиной, стал называться Саврасовым. Ну, был такой художник. И что тут, казалось бы, такого? Однако роль играла интонация, с которой это

произносилось. Сразу становилось понятно, что никакой Петр не Саврасов, а так — жалкий мазилка.

Вместо имени любимой сестры, Рысенки, Слава произносил, словно оговариваясь каждый раз, Рыга... И лицо делал такое, словно стошнит его сейчас. И вроде не придерешься: оговаривается человек, и все тут. Такие у него ассоциации.

Маму Лялю он упорно именовал Примадонна. Вроде даже с почтением, торжественно. Но Сане почему-то делалось тоскливо и больно, хотелось закрыться, спрятаться. Она ощущала, что за этим шутивным именем кроется опять же иронический подтекст: разница в возрасте мамы и ее мужа как у известных звезд отечественной эстрады.

И как будто ничего плохого и обидного... Кому-то даже лестным могло показаться. Но — задевало за живое, болезненно и глубоко.

Вообще-то, Сана до поры до времени легко шла на уступки.

Довольно быстро в присутствии мужа она перестала упоминать свою родню. А если уж приходилось это делать, то называла всех по именам. Тогда и Слава перешел на имена, давая понять, что так-то лучше.

Он ее любил!

Даже себе самому страшно было признаваться, насколько сильно он ее любил! Но почему-то эта любовь не радостью, а болью отзывалась в его сердце. Болью и страхом потери.

А чего он боялся? Мог ли он объяснить? Нет.

Все поведение жены, все поступки говорили о том, что нет оснований для ревности, подозрений, тревог. Он мог не сомневаться в ее верности, надежности, привязанности к нему.

Оглавление

Лучик.....	5
Вернулся	7
Сто штук блинов	33
Пора решаться!	48
А в это время.....	58
Собратся с мыслями... ..	64
Взгляд с другой стороны	70
Габриэлла	95
А вот кому молочка?	104
Теленочек	107
Только бы Нельку дождаться	116
Господин самовар	153
Приятный ужин у воды	163
Ты за все ответишь, гад!	174
Птича, помоги мне!.....	184
Звонки.....	200
Гости.....	210
Капля камень точит.....	222
Фестиваль.....	232